

В. В. Назаревский

**Из истории Москвы, 1147-1703: очерки с 212
рисунками**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. В. Назаревский**
Из истории Москвы, 1147-1703: очерки с 212 рисунками / В. В. Назаревский – М.: Книга по Требованию, 2023. –
285 с.

ISBN 978-5-518-00666-9

ISBN 978-5-518-00666-9

© Издание на русском языке, оформление
«УОУО Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Основаніе Москвы и Юрій Долгорукій.

казаніе о томъ, будто Москва возникла въ IX столѣтіи, еще при Олегѣ, есть вымыселъ позднѣйшихъ книжниковъ. Впервые мы имѣемъ лѣтописное извѣстіе о существованіи Москвы отъ конца первой половины XII вѣка. Это—время наибольшаго развитія удѣльной системы, ослабившей Россію предъ нашествіемъ татаръ; это была пора образованія отдѣльныхъ областныхъ княжествъ и время ожесточенной борьбы изъ-за Кіева между Мономаховичами и Ольговичами и даже въ родѣ первыхъ. Въ этой громадной борьбѣ, которою, по выраженію лѣтописей, „взялась“ и въ коей „разодралась“ вся Русская земля, принимали участіе всѣ князья: и сѣверные, и южные, и западные, и восточные. Ихъ дружины крестили и бились по всей Руси; но въ то же время заканчивался кіевскій періодъ Руси и подготавлился новый. И Москва въ первый разъ упоминается, какъ городъ, въ лѣтописи, именно въ эту горячую пору, подъ 1147 годомъ.

Весною этого года Суздальскій князь Юрій Владиміровичъ, какъ передаетъ лѣтописное сказаніе, пошелъ на Новгородъ, бывший на сторонѣ Изяслава Мстиславича, взялъ Торжокъ и землю на Мстѣ, а Святославъ Сѣверскій, его союзникъ, по Юрьеву приказу, пошелъ на землю Смоленскую, тоже стоявшую на сторонѣ Кіевского князя, и взялъ тамъ жившихъ на Протвѣ литовцевъ-голядей и обогатилъ дружину свою полонь. Послѣ этого, Святославъ, къ которому Юрій еще раньше послы-

лалъ на помощь сыновей своихъ и богатые дары для него и его княгини (ткани и мѣха), получилъ отъ Суздальскаго князя зовъ пріѣхать къ нему въ Москву (въ „Московъ“), которая по этому поводу впервые упомянута въ лѣтописи. Святославъ отправился къ нему въ новый городокъ съ сыномъ Олегомъ, княземъ Владиміромъ Рязанскимъ и дружиной. Олегъ поѣхалъ въ Москву напередъ и подарилъ Юрію барса. Дружески поздоровался основатель Москвы съ князьями, и здѣсь началось пиrowанье. На другой день Юрій сдѣлалъ большой, или, по старинному выраженію, „сильный“, обѣдъ для гостей, богато одарилъ Святослава, сына его Олега, Владиміра Рязанскаго и всю ихъ дружину. Вѣсти о свиданіи князей союзниковъ въ Москвѣ, предъ началомъ громаднаго междоусобія, разнеслись по всей Руси и сдѣлали извѣстнымъ этотъ новый и маленький городокъ. Такъ какъ этотъ сѣздъ въ Москвѣ происходилъ въ концѣ марта (28 числа, на Похвалу Богородицы), то пиры и обѣдъ „сильный“ не могли идти въ шатрахъ и, безъ сомнѣнія, происходили въ княжемъ теремѣ.

Въ эту пору Москва была лишь небольшимъ пограничнымъ для Суздальскаго княжества военнымъ пунктомъ, которому предстояло лишь въ будущемъ важное значеніе, по его срединному положенію, въ одинаковыхъ разстояніяхъ отъ нашихъ естественныхъ предѣловъ на западѣ и востокѣ, на югѣ и сѣверѣ.

Хотя въ половинѣ XII вѣка еще не могла быть признана эта центральность Москвы, но уже ощущалось, что тутъ лежитъ бойкій узелъ границъ нѣсколькихъ княжествъ: Суздальскаго, Смоленскаго, Рязанскаго, Сѣверскаго и Новгородскаго и важный перекрестокъ многихъ дорогъ и водныхъ путей.

Первый Суздальскій князь Юрій, получивъ отъ отца своего Владиміра Мономаха Залѣсье, долженъ былъ почувствовать, что ему недостаточно въ его удѣлѣ старыхъ новгородскихъ городовъ (Суздаля и Ростова), при помощи коихъ славяне утвердились въ поволжскомъ бассейнѣ, а также и новыхъ княжескихъ, какъ Владиміръ-на-Клязьмѣ и Ярославль на Волгѣ: „онъ началъ города строить и людей населять“. Въ своемъ удѣлѣ онъ основалъ Переяславль Залѣвскій, Юрьевъ Польскій и Дмитровъ, но ему былъ еще необходимъ новый городъ и именно на Москвѣ-рѣкѣ.

Москва-рѣка, при обиліи лѣсовъ, семь съ половиною столѣтій тому назадъ, многоводная и судоходная, представляла собой пунктъ, гдѣ въ живомъ сопрікосновеніи сходилось и сплеталось очень многое. Начало этой рѣки, выше Можайска, находилось въ княжествѣ Смоленскомъ, тянувшемъ по Днѣпру къ южной Руси, а по Двинѣ къ западу; устье Москвы, при впаденіи ея въ Оку, принадлежало Рязанско-муромскому княжеству, тянувшему къ Волгѣ. Цѣлая сѣть рѣкъ дѣлала это мѣсто очень бойкимъ для сопрікосновенія съ другими княжествами пунктомъ, гдѣ сходились пути и въ Новгородъ, и въ Кіевъ, и во Владиміръ, и въ Смоленскъ. Н. П. Барсовъ въ своей Русской Исторической Географіи говоритъ: „для связи съ областью Москвы-рѣки, верхней Оки и чрезъ

нее Угры, составлявшей путь изъ верхняго (Чернигово-Сѣверскаго) Поднѣпровья, служила Лопасня, сближающаяся съ притокомъ Москвы Пахрою (на границахъ Подольскаго и Серпуховскаго уѣздовъ) и еще болѣе Протва, которая своими верховьями подходитъ непосредственно къ Москвѣ-рѣкѣ (въ Можайскомъ уѣздѣ). Здѣсь мы видимъ, въ первой половинѣ XII вѣка, старинныя поселенія „Вышегородъ и Лобыньскъ“. Съ другой стороны, Москва-рѣка связывалась съ верхнимъ Поволжьемъ правымъ притокомъ своимъ Рузою и Ламою, вмѣстѣ съ Шошею, вливающейся въ Волгу. Здѣсь—извѣстный Волокъ-Ламскій. Въ область Клязьмы шли пути по Сходнѣ, впадающей въ Москву-рѣку выше столицы, и по Юзѣ...“

Понятно, что здѣсь былъ узелъ бойкихъ, перекрещивающихся военныхъ и торговыхъ дорогъ изъ Новгорода, Смоленска, Чернигова съ Киевомъ, Ростова съ Суздалемъ. Здѣсь съ незапамятныхъ временъ были не только поселенія финской мери, о чемъ свидѣлствуютъ недавно открытыя въ Москвѣ остатки языческихъ городищъ и разные предметы доисторическаго быта, но и славянскія селенія. При постройкѣ Большаго Кремлевскаго дворца, были найдены серебряныя обручи и серьги, а на мѣстѣ храма Христа Спасителя—древнія арабскія монеты, изъ коихъ одна 862 года. Здѣсь, по всей вѣроятности, бывали Владиміръ св., построившій свой городъ на Клязьмѣ, Борисъ, княжившій въ Ростовѣ, Глѣбъ—въ Муромѣ, и Ярославъ Мудрый, основатель Ярославля на Волгѣ, если только они ѣзжали отсюда на юго-западъ въ Киевъ, а не въ Новгородъ. Несомнѣнно, что посѣщалъ эти мѣста и Владиміръ Всеволодовичъ Мономахъ, нѣсколько разъ ѣздившій въ Ростовскую землю и строившій тамъ храмы. Но, когда онъ отдалъ въ удѣлъ Владиміро-суздальскую землю своему сыну Юрію Владиміровичу Долгорукому, здѣсь мы видимъ на Москвѣ-рѣкѣ цѣлый рядъ сель, принадлежащихъ старшему его дружиннику перваго ранга, говорятъ, даже тысяцкому,—боярину Кучкѣ. Здѣсь, при этомъ вотчинникѣ, конечно, все было: и большія поселенія, и храмы, и боярскія хоромы: *не было только города*, какъ крѣпости, какъ военно-княжескаго пункта. Но, несомнѣнно, основатель отдѣльнаго княжества Суздальскаго не могъ, на рубежѣ столькихъ удѣловъ, въ пору ихъ наибольшаго столкновенія изъ за Киева, при началѣ усобицы съ Изяславомъ Мстиславичемъ, не основать здѣсь города, какъ именно стратегическаго пограничнаго пункта. Этому вполне соответствуетъ то, что новый городъ въ 1147 году сдѣлался мѣстомъ важнаго сѣзда вышеназванныхъ князей—ратныхъ союзниковъ, гдѣ князья сговарились „жить въ любви и единствѣ до конца живота, имѣть однихъ друзей и враговъ и сообща стеречься отъ недруговъ“. И крѣпость главными своими сторонами обращена на югъ и западъ. Она была заложена на холмѣ, тамъ, гдѣ оканчивалось взводное судоходство Москвы-рѣки и начинается сплавное, гдѣ рѣка, выше устья Неглинной, образуетъ пороги. Впослѣдствіи для защиты Москвы построена другая крѣпость—Китай-городъ, а потомъ Бѣлый городъ и круговое земляное укрѣпленіе, охватывавшее городъ со всѣхъ сторонъ.

Лѣтописное преданіе говоритъ, что „Юрій, казнивъ Кучка, въздѣ на гору и обозрѣ очима своими сѣмо и овамо, по обѣ стороны Москвы рѣки и Неглинной, возлюбилъ села оныя (Степана Кучка) и повелѣлъ сдѣлать тамъ древянъ градъ“. Что же именно построилъ Юрій Владиміровичъ въ Москвѣ? Древнѣйшій храмъ Іоанна Предтечи подѣ Бороми и церковь Спаса на Бору, который тянулся изъ Кремля, отъ Боровицкихъ воротъ, черезъ Китай-городъ, на нынѣшнюю Лубянку, на далекое пространство, построены были уже послѣ смерти Юрія. Сооруженіемъ основателя Москвы были, несомнѣнно, деревянные стѣны Кремля, за коими могли находить себѣ защиту крестьяне селъ Кучковыхъ и новые поселенцы. Но эти стѣны были даже не дубовыми; потому что такковыя, по лѣтописному сказанію, построены Іоанномъ Калитою. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что основатель Москвы построилъ въ Кремлѣ и княжій дворъ, съ соотвѣтственными строеніями, гдѣ гостили у него князья и гдѣ можно было дать названный выше „сильный“ обѣдъ, въ 1147 году, и гдѣ жила княжья дружина. Сомнѣнія нѣтъ, что извѣстный храмоздательствомъ, по другимъ городамъ, Юрій построилъ хотя одну церковь въ Москвѣ; но обѣ этомъ мы не имѣемъ письменныхъ свѣдѣній.

Что такое были Кучковы села до основанія на Москвѣ-рѣкѣ города? Этотъ интересный вопросъ рѣшить очень затруднительно.

Къ числу Кучковыхъ селъ, по преданіямъ, принадлежали: Воробьево, Симоново, Высоцкое, Кулишки, Кудрино и Суцево; называютъ и другія; и тамъ, еще до основанія Москвы, какъ города, были, конечно, свои церкви: ибо села отличаются отъ деревень церквами. Одно только извѣстно, что Кучковы села не совпадали съ городомъ Москвою. Кучково поле начиналось именно съ того мѣста, гдѣ идетъ теперь Лубянка, а домъ боярина находился будто близъ нынѣшнихъ Чистыхъ прудовъ. Преданія рассказываютъ, что, на мѣстѣ церкви Спаса на Бору, когда-то жилъ пустыльникъ Букаль, а Крутицахъ какой-то мудрый челоуѣкъ, по имени Подонъ, родомъ римлянинъ.

Но все, что можно сказать о Степанѣ Кучкѣ, есть или былины лѣтописцевъ или догадки историковъ новѣйшаго времени. Разныя старинныя преданія говорятъ согласно, что онъ былъ казненъ Юріемъ Долгорукимъ. Но за что?—Вотъ вопросъ, который розно рѣшается и въ схожихъ съ былинами „старинкахъ“, и въ новѣйшихъ изслѣдованіяхъ. Одна легенда говоритъ, что Кучко, возгордѣвъся зѣло, не почтилъ своего князя и даже хулилъ его.

Какая-то раскольничья рукопись, которая была въ рукахъ историка Татищева, увѣряетъ, будто Юрій Владиміровичъ, бывшій въ связи съ женою Степана Ивановича Кучка, казнилъ его за то, что этотъ послѣдній заперъ отъ него свою жену и измѣнилъ ему въ отищеніе за свою честь въ пользу Изяслава Мстиславича. Но та же „старинка“ утверждаетъ, что Юрій Владиміровичъ выдалъ дочь казненнаго боярина Улиту за своего сына Андрея Боголюбскаго, передалъ ему въ бояре сыновей Степана, а села опальнаго взялъ себѣ. Особенно странно, что сыновья казненнаго боярина, Кучковичи,

были ближними боярами Андрея Боголюбскаго: одинъ изъ нихъ былъ казненъ имъ, а другой, вмѣстѣ съ своимъ зятемъ и другими боярами, составилъ заговоръ и убилъ въ Боголюбовѣ этого князя. Все это — очень темно...

Позднѣйшіе историки, основываясь на томъ, что въ Новгородѣ иногда встрѣчалось имя Кучко, стали предполагать, что Степанъ Кучко былъ новгородскимъ земскимъ бояриномъ, что его села были населены новгородцами и что въ его земскомъ сопротивленіи заключается при-

Князь Юрій Долгорукій, основатель Москвы.

чина его казни, что самая Москва есть колонія новгородская. Но едва ли это такъ. Въ княжеское время, со времени основанія Владиміра-на-Клязьмѣ и Ярославля, все вѣчевое-новгородское, начиная съ Ростова и Суздаля, въ Приволжскихъ владѣніяхъ Мономаховичей, становится въ тѣнь; и едва ли что-нибудь такое вѣчевое могло въ XII столѣтіи сказываться въ вотчинахъ Кучковыхъ. Да и самое прозваніе ихъ владѣльца, оканчивающееся на о, скорѣе указываетъ, что онъ, или его родители пришли изъ южной Руси, а не изъ Новгорода. Въ Подоліи былъ городъ Куча, а въ Червонной Руси Кучельминъ. У Черниговскихъ кня-

зей былъ бояринъ Судимиръ Кучебичъ. Отъ этого, можетъ-быть, и Степанъ Кучко тянулъ на югъ къ Изяславу Мстиславичу, за что и былъ казненъ великимъ княземъ суздальскимъ.

Положилъ ли какую-нибудь печать своего личнаго характера на основанномъ имъ городѣ Юрій Долгорукій?—Едва ли. Объ этомъ можно догадываться уже потому, что онъ не послѣдовалъ примѣру своего прадѣда—Ярослава Мудраго, дававшего свое имя основаннымъ имъ городамъ, и не назвалъ свою крѣпость Юрьевымъ, какъ сдѣлалъ это самъ относительно построеннаго имъ Юрьева-Польскаго, гдѣ онъ создалъ церковь въ честь св. Георгія Побѣдоносца,—своего ангела. Москва нѣкоторое время называлась даже Кучковымъ, а потомъ за нею утвердилось, по рѣкѣ, названіе: „Москва“, вѣроятно мерянское, обозначающее, по однимъ сказаніямъ—„смородину“, а по другимъ—„крутящуюся, искривленную“, по третьимъ „мутную“ и т. д. Все еще дѣло—за лингвистами выяснитъ намъ, изъ какого языка произошло и что именно значить слово „Москва“, составлявшее названіе сперва нашей рѣки. Пора бы разгадать эту филологическую загадку. Ходаковскій пишетъ: *Мосткова*, производя это имя отъ мостковъ на рѣкѣ. Иные производятъ это имя отъ Мосоха, сына Іафетова.

Три поколѣнія Юріева потомства новооснованный стратегическій пунктъ не удостоивали сдѣлать *постояннымъ* стольно-княжескимъ городомъ, хотя тутъ жила, въ XIII столѣтіи, князья Владиміръ Всеволодовичъ, Владиміръ Юрьевичъ и Михаилъ Хоробритъ, сынъ Ярослава. Такое же отношеніе этихъ областныхъ князей продолжалось до смерти Александра Ярославича Невскаго. Но, со времени утвержденія здѣсь княжескаго стола, при сынѣ Александра Невскаго Даниилѣ, и особенно съ возвышенія Москвы на степень общерусскаго центра, стала возстанавливаться и подниматься память основателя его. Наши князья, начиная съ Даниила Александровича, нарекали своимъ сыновьямъ—въ честь основателя Москвы—имя Юрія, и, наконецъ, Іоаннъ III сдѣлалъ ангела его, Георгія Побѣдоносца, гербомъ московскаго княжества. Это указываетъ на то, что преданія объ основателѣ Москвы хранились въ ней и его личный образъ, по крайней мѣрѣ, въ послѣдующемъ преданіи не оставался безъ нѣкотораго вліянія на нашихъ московскихъ князей и имъ подвластныхъ.

Прежде, чѣмъ взглянуть въ историческія черты характера и дѣятельности строителя Москвы, мы привели его изображеніе, принадлежащее профессору исторической живописи Императорской Академіи Художествъ В. П. Верещагину, взятое изъ его интереснаго изданія: „Исторія государства Россійскаго въ изображеніяхъ державныхъ его правителей“. Конечно, рисунокъ этотъ не имѣетъ значенія портрета этого князя, но онъ вполнѣ художественъ и вѣренъ въ бытовыхъ чертахъ тому времени, къ коему относится. Воспроизводимъ также изображеніе ангела основателя Москвы—св. Георгія Побѣдоносца во Владимірскомъ Дмитріевскомъ соборѣ.

Сынъ Мономаха Юрій Владиміровичъ, прозванный въ южной Руси за свою склонность къ захватамъ: „долгія руки“, стоитъ на рубежѣ

двухъ эпохъ, при концѣ кievской и въ самомъ началѣ владиміро-мо-сковской. Если онъ менѣе, чѣмъ его сынъ Андрей Боголюбскій и Мо-сковскіе князья-собиратели Руси, носитъ на себѣ великорусскій типъ князя-хозяина и государя и не чуждъ еще свойствъ родового и дружин-наго южно-русскаго князя, то все же онъ не похожъ на своего идеаль-наго въ этомъ отношеніи отца — Владимира Всеволодовича, съ коимъ скорѣе схожъ внукъ его Изяславъ Мстиславичъ, такъ юпорно боров-шійся съ Юріемъ Долгорукимъ изъ-за Кievскаго великокняжескаго стола

Св. Георгій Побѣдоносецъ въ Дмитріевскомъ соборѣ.

и самого Кіева, исполненнаго „величества и красоты всѣмъ“. Въ нашемъ же Суздальскомъ князѣ мы уже не найдемъ многихъ чертъ южно-рус-скаго князя, запечатлѣнныхъ въ „Поученіи“ Владимира Мономаха дѣтямъ. Онъ не — сторонникъ патріархально-родовыхъ отношеній, хотя изъ сво-ихъ выгодъ и не хочетъ уступить Кіева своему племяннику Изяславу. Нашъ князь не постѣснился идти и противъ своего старшаго брата Вячеслава, который „былъ брадатъ, когда онъ еще не родился“. Въ своихъ отношеніяхъ, онъ не дѣлаетъ различія между роднымъ гнѣздомъ

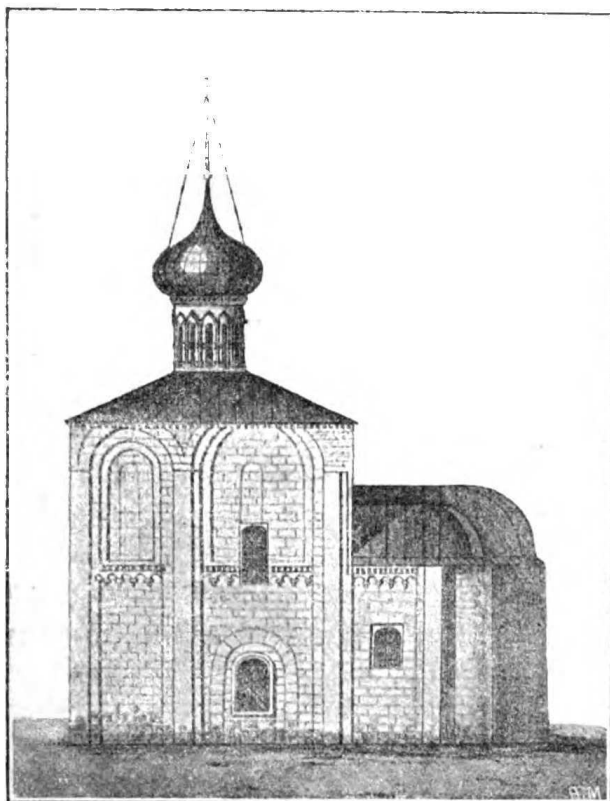
Мономаховымъ и чужимъ „осинымъ“—Ольговымъ; ему все равно, кто бы ни шелъ у его стремени; даже не брезгуетъ помощью половецкою. Сыновей своихъ не очень-то голубить, и они, какъ Ростиславъ, уходятъ отъ него даже къ его сопернику Изяславу Мстиславичу. Боярамъ своимъ, какъ показываетъ примѣръ съ Степаномъ Ивановичемъ Кучко, онъ не даетъ потачки и думы ихъ мало слушаетъ. Вѣчевымъ городамъ отъ Юрія тоже—плохо. Доставалось отъ этого „Мономашича“ не мало тяжелого и господину Новгороду Великому. Но за то онъ являетъ себя въ Сѣверо-восточной Руси княземъ-хозяиномъ, строителемъ городовъ и усерднымъ храмосдателемъ. Онъ хотѣлъ даже перенести старый Суздаль на Кидекшу и построилъ великолѣпные храмы во Владимірѣ, Суздальѣ, Переяславлѣ, Юрьевѣ и въ упомянутой Кидекшѣ. Вообще Юрій не гоняется за южно-русскою княжескою популярностью, и, при жесткости своего характера, этотъ князь далеко не пользовался на югъ такою любовью, какая окружала другихъ Мономаховичей. Но эти сѣверо-восточныя, великорусскія черты не вырѣли еще въ Юрія I вполне, не довели его до мысли о перенесеніи средоточія Руси съ юга на сѣверо-востокъ; его все еще тянуло въ Кіевъ, гдѣ онъ и умеръ, тогда какъ сынъ Юрія Андрей Боголюбскій предалъ раззоренію „мать градовъ русскихъ“, лишилъ ее великой святыни—иконы Богоматери, писанной евангелистомъ Лукою, и сталъ на смѣну Кіеву обстраивать Владиміръ Залѣсскій высокопрестольными храмами, теремами и золотыми воротами.

Но если у великаго князя Юрія и не было мысли объ утвержденіи общерусскаго центра на сѣверо-востокъ не только въ Москвѣ, а даже во Владимірѣ, то все же великорусскій типъ этого князя долженъ былъ съ теченіемъ времени, какъ въ историческихъ, такъ и въ эпическихъ сказаніяхъ, сдѣлаться традиціей Москвы, когда стало возможнымъ выдвинуть ее какъ средоточіе общерусскаго тяготѣнія.

Нѣтъ свѣдѣній, навѣщалъ ли Юрій Владиміровичъ основанную имъ Москву, хотя и есть извѣстія, что онъ проходилъ по ея землѣ. Онъ даже умеръ не въ своемъ Суздальскомъ Залѣсѣ, а въ Кіевѣ. О смерти создателя нашей Москвы лѣтопись кіевская говоритъ, что онъ на другой день Николина дня (10 мая 1157 года) пировалъ у своего боярина: „пивъ бо Гюрги въ осменники у Петрила, въ тѣ день разболѣса“ и чрезъ пять дней (15 мая) умеръ. Кіевляне не любили сѣверо-восточнаго Суздальскаго князя и на другой день разграбили его дворы (одинъ изъ нихъ великій князь называлъ раемъ) и перебили многихъ суздальцевъ. Но зато крѣпко любило Юрія великорусское населеніе Залѣсся, коему Георгій Суздальскій являлся подобнымъ Егорію Храбромъ.

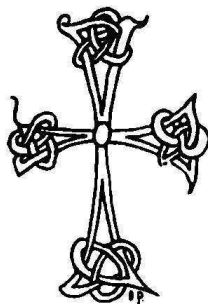
У Татищева о наружности и характерѣ Юрія горорится: „былъ роста не малаго, толстый, лицомъ бѣлый, глаза не велики, великій носъ, долгій и покривленный, брада малая, великій любитель женъ, сладкихъ пищъ и питія, болѣе о веселіяхъ, нежели о расправѣ и воинствѣ прилежалъ, но все оное состояло во власти и смотрѣніи вельможъ его и любимцевъ“.

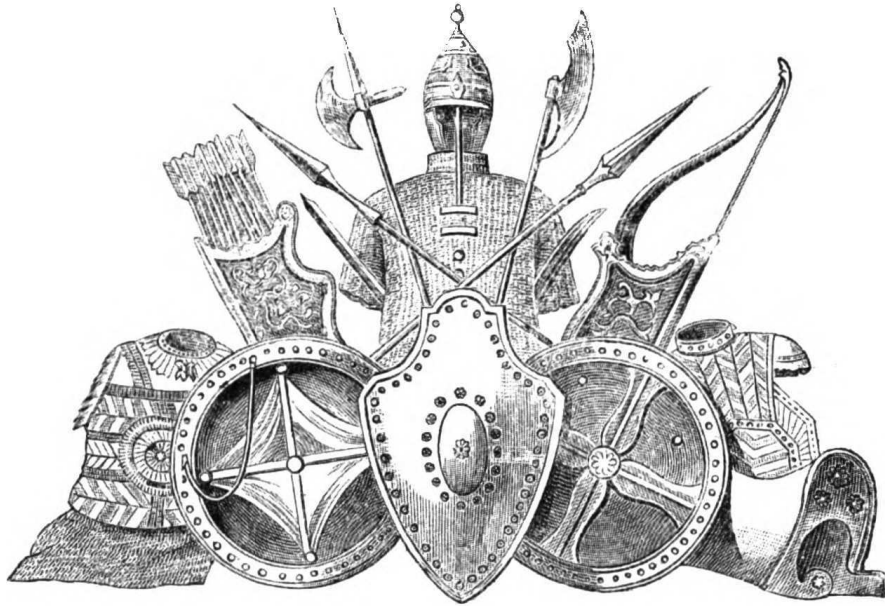
Здѣсь мы приводимъ изображеніе построеннаго Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 году храма на Нерли въ Кидекшѣ, во имя свв. Бориса и Глѣба. Изъ всѣхъ храмовъ, построенныхъ основателемъ Москвы: Спаса въ Суздаль, Спаса въ Переяславль, Георгія во Владимірѣ и тоже Георгія въ Суздаль, — эта Борисоглѣбская церковь, болѣе указан-

Храмъ князя Юрія Долгорукаго, въ Кидекшѣ.

ныхъ, сохранила свой первоначальный видъ. Въ этомъ храмѣ обрѣтены мощи сына нашего князя Бориса Юрьевича. Заслуживаетъ вниманія знатоковъ геральдики, что на этихъ мощахъ была одежда, шитая золотомъ, а на ней „вышитъ орелъ пластаный одноглавый, а отъ того орла пошло на двое шито золотомъ же и серебромъ узорами“.

II.

Москва до учрежденія въ ней княжескаго стола, Даниилъ Александровичъ. Юрій Московскій и Іоаннъ Калита.

Тость Москвы, по выраженію одного стариннаго сказанія, „малаго дряннаго города“, былъ тугъ и медленъ. Что будто еще при Юріи Долгорукомъ здѣсь сидѣлъ сынъ его князь Ростиславъ Георгіевичъ, — это только предположеніе. Упоминается вскользь, что здѣсь былъ, вѣроятно, временно, князь Владиміръ Всеволодовичъ. Съ 1147 года прошло девяносто лѣтъ, прежде чѣмъ Москва опять всплыла на лѣтописную поверхность, до этого теряясь въ ряду другихъ городовъ Владиміро - суздальскаго княжества, такихъ, какъ Юрьевъ - Польскій, или Переяславль и т. п. Только разгромъ Руси Батыемъ заставляетъ лѣтопись яенѣе заговорить о ней. Сюда великій князь Юрій Всеволодовичъ посылаетъ, для защиты отъ хлынувшихъ изъ Рязанской земли враговъ, князя Владиміра Юрьевича. И вотъ печальныя слова второго лѣтописнаго сказанія о нашей Москвѣ: „Татарове идоша къ Москвѣ (1237 года); тояже зимы взяша татарове Москву, а воеводу убиша, Филиппа Нянка, за православную хрестьянскую вѣру, а князя Володимера яша руками, сына Юрьева, а люди убиша отъ старца до сущаго младенца, а градъ и церкви огневи предаша, и монастыри вси и села пожгоша и, много имѣнія возьмше, отъидоша“. („П. С. Русск. Лѣтоп.“ 1, 196).